

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

АНАТОЛИЙ ГРИШИН

— Говорят, вы сильно обижены на журналистов.
— Нет. Как я могу обижаться? Они ж не виноваты, что они такие. Достаточно открыть любую газету, чтоб понять, чем отличается наш журнализм от западного.
— И чем же?
— Рассея... Я часто повторяю одну цитату из "Сибирского цирюльника" Никиты Сергеевича: "Он — русский человек, и это многое объясняет". Когда у меня дома течет водопроводный кран, я знаю, что чинил его русский человек, и это многое объясняет.

Выдвижение картины "Дом дураков" на "Оскар" вызвало волну народного гнева. Фильм мало кто видел, но возможности выразить свое возмущение не упустил никто. Ситуация почти анекдотическая: если верить прессе, это не просто ужас, а ужас-ужас-ужас. Автору припомнили все — и семейные узы, и американское прошлое, и даже рекламируемые им витаминные несчастливые припомнили. Ясно одно: вина его перед отечеством настолько безмерна, что посыпать голову пеплом смысла нет никакого.

Пожоже, Андрей Сергеевич разозлился не на шутку. А злость, как известно, бодрит. — И все-таки какова ваша реакция на критику? Вам больно или безразлично?
— Не может быть безразлично, когда пишут о тебе. Или когда о твоём ребенке пишут, что он урод. Даже если он действительно урод — все равно больно, это ведь твой ребенок. Алан Паркер, замечательный английский режиссер, хорошо сказал: "Я трачу полтора года на то, чтобы снять картину, а критик тратит час, чтоб написать свою рецензию". Причем с таким злорадством констатируется неудача! Русский человек — очень чувствительный. Поэтому в любой статье чувств много, а мыслей мало. Чаше всего, еще не увидев картину, критик уже чувствует: хочу любить ее. Или наоборот — хочу ненавидеть.

— Вам бы хотелось быть всеобщим любимцем?
— Дело не в том, чтоб быть любимцем публики. Для человека, который хочет поделиться своими впечатлениями, важнее всего, чтоб его понимали. Или хотя бы попытались понять. А когда пишут, что режиссер на премьере был в желтых ботинках, а жена его — с сумкой Гуччи... Ясно, что такой зритель вряд ли пытался что-то понять.

— Пять лет назад в интервью вы говорили мне о зависти как о главном качестве русского человека. И о том, что в России всегда враждебно относятся к тем, кто успешен. Сейчас вы получили еще одно подтверждение своих взглядов?
— Я не могу назвать причины происходящего. Может, все дело все-таки в том, что я из рода Михалковых. А Михалковых на сегодняшний день надо не любить. Никита Сергеевич — тот вообще хлебает из полной чашки уже несколько лет, с тех пор как секретарем Союза стал. А поскольку я как бы брат, значит, и на меня тоже должно попасть. Хотя вроде бы делаем разные вещи, живем разной жизнью... В Америке никому и в голову не придет написать, что Буш стал президентом, потому что его папаша подтолкнул.

— Кстати, почему вы называете родного брата по имени-отчеству?
— Очень просто. Я называю его по имени-отчеству, и вы сразу понимаете, о ком я говорю.
— Как раз наоборот, не сразу... Про вас пишут разное. Например, что вы из старшего брата превратились в младшенского, попали под покровительство Никиты Сергеевича. А что действительно происходит сейчас между вами чисто по-человечески?

— Все хорошо. Между нами — жизнь общая. Вы представляете себе, что такое человек, который стал частью твоей жизни? Вот что между нами. Мы вместе воспитывались, мы хорошие мамы... Знаете, все это очень объединяет. Другой вопрос, живем ли мы одинаково, проповедуем ли одинаковые идеи? Нет. Но на то мы и мыслящие люди, чтобы думать поразному.

— Зависть, которую вы считаете неискоренимой в русском человеке, — существует ли она между вами?
— Я завидую ему иногда. Конечно, завидую. Человек "Оскара" получил, снял несколько картин высочайшего класса. В таких случаях всегда есть зависть хорошая.
— Как вы думаете, он хочет, чтобы вы тоже взяли "Оскара"?

Андрей Кончаловский даже в пределах семейного клана всегда держался особняком. Фамилию взял другую, мамину. Слово хотел подчеркнуть — я отдельный. Он постоянно заставляет говорить о себе. То мемуары издает такие, что хоть святых выноси: с обширным перечнем своих любовных побед и поражений (в основном, разумеется, побед). То Змея Горыныча устрашающих размеров на Красную площадь притащит (на празднование 850-летия Москвы). То новое семейное гнездо совет. Его страсть к перемене мест и любимых женщин уже давно никого не удивляет. Но последняя работа Кончаловского "Дом дураков" с молодой женой в главной роли по количеству поднятого шума превзошла все пределы. Взяв Гран-при Венецианского фестиваля, собрав щедрый урожай лояльной западной прессы, Андрей Сергеевич вернулся домой триумфатором. Но не тут-то было...

— Конечно, это было бы для него огромной радостью. Поймите, ему тоже свойственна зависть. Но неужели вы думаете, что зависть заключается в том, что получит премию, а кто не получит? Хотя вокруг пишут неизвестно что. (Основной мотив многих публикаций — Никита Михалков осознанно устранил "Кукушку" Рогожкина и продвинул картину брата, заведомо зная, что она не имеет шансов на награду. — Авт.) Но людям надо же что-то писать: газет все больше, а заполнять их нечем. Поэтому они и становятся все глупее. Глубина всегда присутствует только там, где есть элитарность.

— А вы сами-то сильно хотите "Оскара" получить?
— Естественно, я хочу. Но не думаю, что это главное в моей жизни. Вот раньше я относился к вопросу совсем иначе. Когда Runaway Train был номинирован на "Оскар", это действительно занимало все мои помыслы. Но тогда я жил в Америке, читал американские газеты, пил американский кофе. Там все вокруг посвящено только одному! К тому же получение "Оскара" очень сильно влияет на американскую карьеру. Когда моя картина появилась сразу в трех номинациях, мне вдруг стали звонить! Обо мне вспомнили люди, которые раньше меня и не знали. Билли Уайлдер вдруг сделал меня своим личным шофером. Он ходил со мной всюду, я его возил. Когда приехала делегация советских кинематографистов, Билли позвонил мне и спросил: "Ты можешь меня отвезти?" А Элем Климов, узнав об этом, заявил: "Если будет Кончаловский, советская делегация не придет на встречу".

— Даже так?
— Да. У него какое-то очень серьезное предубеждение против меня. Оно и до сих пор сохранилось. Не знаю почему, но он настроен очень категорично.

— А у Ивана Дыховичного почему конфликт с вами?
— Не знаю. Конфликт между кем и кем? Никита с Ваней старые друзья-приятели. Они — одна компания, часто пили водку вместе. Мальчишками бегали там где-то без штанов... — Друзья?! Иван Дыховичный заявил, что комиссия по выдвижению на "Оскар" со-

из Досье "МК". Дипломная работа Андрея Кончаловского "Первый учитель" взяла сразу же несколько престижных премий, в том числе награду Венецианского кинофестиваля за лучшую женскую роль. На премьере его картины "История Аси Клячиной, которая любила, да не вышла замуж" Иннокентий Смоктуновский прямо на сцене ленинградского Дома кино встал перед режиссером на колени.

Потом была работа с Андреем Тарковским (совместные сценарии к фильмам "Андрей Рублев" и "Каток и скрипка"), знаменитые "Роман о влюбленных" и "Сибириада". Затем — американская эпопея: "Поезд-беглец", "Любовники Мари", "Танго и Кэш". Призы в Канне и в Сан-Себастьяне, три номинации на "Оскар", работа с Копполой, Эриком Робертсом, Сталлоне, Вупи Голдбергом... Последние работы: кинофильм "Курочка Ряба", телесериал "Одиссея" и кинокартина "Дом дураков".

Андрей Кончаловский: "Билли Уайлдер сделал меня своим личным шофером"

начнет активно сниматься, реже бывать дома, вы ее остановите?

— Ну что вы! Она волея сама решать, а не ждать моего разрешения. Но она просто не будет активно сниматься, потому что она не хочет. Она не хочет даже в театре играть. Есть актрисы, которые говорят: "Мне ничего не надо, я хочу только играть, дышать сценой". А Юля — нет. Она уже поиграла в театре, ее туда больше не тянет. Если она и хочет сниматься, то только там, где она сможет сделать что-то особенное.

— Недавно я ее видела в качестве ведущей на открытии Недели французского кино. Похоже, на нее есть спрос.

— Ну она же не виновата в этом. Она вряд ли станет распыляться.

— Она — домашняя?

— Домашняя — не то слово. Она просто не хочет сниматься в кино, в которое она не верит и которое не чувствует. У нее очень развито чутье. Вот Инна Чурикова всегда подходит к работе очень избирательно, и у нее этому можно учиться. В том, что она сделала, всегда видно качество.

— У Юли сейчас много предложений?

— Нет. Какие-то были, но не очень интересные.

Андрей Кончаловский официально разводится четыре раза. Нынешний его брак с Юлией Высоцкой — пятый. Имя первой жены, балерины, не упоминается даже в мемуарах режиссера и, похоже, для истории утрачено. Вторая супруга — актриса Наталья Арибасарова — родила ему сына Егора, ныне тоже режиссера. Далее был брак с французской Виван Годэ, родившей ему дочь Александру. Благодаря Виван Кончаловский (а также Юлия Высоцкая и их маленькая дочка Машенька) имеет французское гражданство. В четвертом браке с бывшей телеведущей Ириной Ивановой у Кончаловского также две дочери

Свою юную жену Кончаловский раздел почти сразу же: но не перед камерой и не на сцене, а в книге: "Я решил, положил ей руку на грудь. Эта грудь была как раз руке. У всех все разное... но бывает грудь, напоминающая мне опрокинутую пилу. Вот так рука на нее и легла. Она не сопротивлялась". Он описал их первую ночь в мельчайших деталях — ее грудь, ее кожу, внутреннюю часть бедра, ее прикусанные губы... Слово раскладовку сделал. Воспитанием маленькой Маши в основном занимается Юля. Когда у юной мамы много работы, ей помогает няня. Андрей Сергеевич любит повторять, что без ума от дочки, и при любой возможности старается брать ее с собой в поездки.

— Лена и Наташа. Растет и еще одна дочка — Даша, рожденная в гражданском браке Ириной Бразговкой.

— Вы всегда подчеркивали свою независимость в личной жизни: "Захочу — и завтра уйду. И ничто меня не остановит". В этой семье все точно так же?

— Все абсолютно точно так же.

— И вы не давали никаких обещаний?

— Почему же? Во-первых, "захочу и завтра уйду" — вовсе не значит не давать обещаний. Во-вторых, это "захочу" зависит от того, повезло человеку или не повезло. Вот мне — не повезло. Если б повезло, я бы всю жизнь прожил с одной женщиной и был бы счастлив.

— Ничего себе! То есть вы считаете, что предыдущие четыре раза вам не везло?

— Много больше раз. Я же не только о зарегистрированных браках говорю. Не повезло потому, что все кончалось. Человек не может уходить от женщины просто так. Если он любит — он вряд ли уходит. А когда что-то кончается, значит — не повезло, значит — неправильно что-то сложилось, значит — в чем-то ты виноват. Ты сам виноват всегда. Сам виноват, что женился. Сам виноват, что сделал детей. Сам виноват, что ошибся. Это же только твои ошибки, а не чьи-то чужие.

— Что же вы обещали молодой жене?

— Обещания — просто слова. Есть более подходящее понятие: английское слово comitment. Если человек начинает в тебя верить, значит, это comitment, а если не верит — любые обещания бессмысленны.

— Вы боитесь обмануть ее доверие?

— Да!.. Нет, не боюсь. Честно говоря, сейчас уже не боюсь. Просто потому, что скорее всего я его не обману.

— А с детьми от прошлых браков общаетесь?

— Конечно. Даже у отца, который не живет с мамой, есть обязанности по отношению к детям. Надо отвечать на вопросы, которые дети задают папе. И главное, надо сделать так, чтоб детям хотелось задавать тебе вопросы.

— А они не задают вопросов, на которые вы не знаете ответа? Например: "Почему ты, папа, не живешь вместе с мамой?"

— Нет. Ответ на этот вопрос они сами нашли, даже не спрашивали. Моей старшей дочери от предыдущего брака было девять лет, и она восприняла наш развод абсолютно нормально. А младшая тогда была слишком маленькой, ей было два или три года, и она, разумеется, ничего не поняла. Теперь она уже знает, что папа есть, но он не живет вместе с мамой. Нет, драмы детской не было. Было бы ужасно, если б она случилась.

— С их мамой вам тоже удалось сохранить отношения?

— А как не сохранить, когда у нас общие дети?

— В свое время вы продавали довольно живодецкий эксперимент с Ией Савиной, поместив ее в неактерскую среду. И теперь повторили его с Юлей.

— Это был не эксперимент. И ничего живодецкого в нем нет. Джон Войт четыре дня прожил в тюрьме, прежде чем сниматься в Runaway Train. И не потому, что я его заставил, а потому, что он сам захотел пожить среди заключенных. Весь неореализм так снимался. Это нормальный, хотя и очень сложный процесс — попытка создать максимально правдивую среду.

— Как вы отвечаете на упрек: неэтично снимать душевнобольных людей?

— Пускай те, кто так считает, не делают этого. Они и не смогут никогда, у них не получится. Таланта нет. Это, во-первых, сложно. А во-вторых, почему, собственно, неэтично? Если я над ними издевался или говорил бы, что они неполноценные, тогда это было бы неэтично, наверное. Но даже если люди просто живут на улице, смеяться над ними тоже неэтично... И потом этика — это выдумка. Особенно, этика в искусстве.

— Вы производите впечатление человека, не привыкшего себе ни в чем отказывать. Есть вещи, в которых вы себя все-таки ограничиваете?

— Да, конечно. Причем их довольно много. Я бы хотел купить яхту большую, но я ее не покупаю. И вообще, я бы хотел снимать кино за свои деньги. Тоже, к сожалению, не получается.

— Вы сейчас снимаете большой телевизионный сериал, колесите по всему миру. За время ваших поездок уже какие-то откровения случились?

— Конечно. Встречаешь новых людей, новую культуру — это всегда откровения, если ты стремишься учиться жизни. Например, в Китае одна женщина произнесла замечательную фразу: для китайца самый большой грех — это отступление от золотой середины. Удивительное откровение! Китайская философия — конфуцианство — гласит, что никогда нельзя впадать в крайности ни в ненависти, ни в любви. Это качество позволяет всегда находиться в балансе. А у нас всегда одно желание — разрушать. Нет у нас золотой середины.

— А вы нашли свою золотую середину?

— Вряд ли. Я ж русский человек. Сколько бы ни пытался — все равно не получится...

Катя ПРЯНИК.

Наталья Сергеевна Шорр

30.11.02